

УДК 82

ОБРАЗ ЛЕТЧИКА В САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 30-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»)

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье анализируются роль и функции образа летчика в советской сатирической литературе. Актуализируется проблема конструирования ментальной карты посредством авиационного текста. *Цель* статьи – выявление идеологически значимых особенностей образа авиатора, определение его функции в рамках конструирования новой ментальной карты молодого Советского государства.

Методологию исследования составляют сравнительно-исторический, культурологический, социологический методы.

Результаты. На основе междисциплинарного анализа авиационных мотивов в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) выявлены основные черты образа летчика, механизмы конструирования модели героя, а также важнейшая функция авиационных образов – структурирование пространства, причем как на государственном, так и на примитивно-бытовом уровнях. В статье это противопоставление обозначено как антитеза «неведомой страны», где есть место лишь достойнейшим, и коммунальной квартиры – «Вороньей слободки», которая становится пристанищем для «бывших» людей, чья мелкобуржуазная идеология не соответствует линии партии.

Заключение. Предложенная в статье концепция образа авиатора в сатирическом романе вписывается в общую тенденцию рассмотрения соцреалистического героя, что свидетельствует о едином способе конструирования образа сверхчеловека в рамках исследуемого периода. Авиационные мотивы являются значимыми в процессе создания новых представлений о пространстве, а также репрезентации социальной стратификации в литературе и культуре.

Ключевые слова: авиационные мотивы, образ авиатора, ментальная карта, советская литература, утопия, поэтика пространства.

Статья посвящена анализу авиационных мотивов и образа авиатора в сатирическом романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) [Ильф, Петров, 2009]. Образ летчика рассмотрен с позиций поэтики пространства, это обусловлено тем, что, с одной стороны, посредством авиационного текста описывались обширные северные территории, что способствовало формированию новой ментальной карты [Эткинд, 2001], включающей неизведанные земли, доступные лишь сверхлюдям на стальных птицах, с другой – в романе продемонстрирована социальная иерархия, где маркером принадлежности к той или иной страте служила возможность занимать более или менее обособленную жилплощадь.

В «Золотом теленке» есть два противоположных полюса: «неведомая страна» – новая Россия, частью которой являются небо Арктики и находящийся там

летчик Севрюгов, и коммунальная квартира «Воронья слободка», представленная осязаемо, вещно, населенная реальными людьми, типичными для прошлой эпохи, обывателями. Семантика прозвища коммунальной квартиры – «Воронья слободка» – дает четкое представление о характере ее обитателей, еще ярче высвечивая разницу между образами героического авиатора и ворона.

Пространство ирреальное, где находится авиатор, присутствующий в тексте имплицитно, дано в виде реплик жителей коммунальной квартиры, радио-сообщений, а также авторских описаний. Этот контраст между вещным и неосязаемым обозначает, прежде всего, роковой разрыв, порожденный бурей революции. Подобные антитезы согласуются с траекторией творчества авторов исследуемого периода. В 1930 году, о чем говорит Л.М. Яновская [Яновская, 1963], И. Ильфом и Е. Петровым были созданы произведения, также посвященные теме пропасти между старым и новым, отраженной в пространственных категориях – сатирическое обозрение «Путешествие в неведомую страну» и рассказ «Граф Средиземский».

В «Золотом теленке» авиатор Севрюгов по заданию Осоавиахима летит в полярную командировку на поиски иностранной экспедиции. После обнаружения координат пропавших летчик пропадает сам: «– Долетался, желтоглазый! – бормотала бабушка, имени-фамилии которой никто не знал» [Ильф, Петров, 2009]. Полет противоречит внутренним установкам соседей героя по коммуналке. В речи бабушки звучит удовлетворение неудачей авиатора, дворник Никита Пряхин (профессия тоже обладает символическим наполнением, дворник близок к земле, связан с уборкой мусора) не менее злорадно восклицает: «– Пропал наш квартирант! <...> А не летай, не летай. Человек ходить должен, а не летать. Ходить должен, ходить» [Ильф, Петров, 2009].

Подобные рассуждения связывают данную коллизию с некоторыми знаковыми текстами русской литературы, например, драмой А.Н. Островского «Гроза»: «Катерина. Я говорю, отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. <...> Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела» [Островский]. Сами мысли о полете могут возникнуть только у нетипичного персонажа, одухотворенного, способного соприкоснуться с небом как сакральным пространством (стоит вспомнить рассказы Катерины о ее экстатических пограничных состояниях). Варвара, будучи органичным элементом «темного царства», останавливает Катерину. Буквально та же ситуация повторяется в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»: «Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки – ту же, как можно ту же, натужиться надо, – и полетела бы. Вот так! – Полно, ты упадешь» [Толстой]. И Катерина и Наташа Ростова в момент своей мечты о полете находятся в пограничном состоянии, и той и другой мешают слиться с небом.

Ненависть населяющих коммунальную квартиру к авиатору примитивна: эта ненависть порождена глубоким непониманием функций летчика, его статуса. Возникает коллизия, описанная М. Горьким в «Песне о соколе», где после недол-

гих сомнений приходит к выводу: «Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье – землей живу я» [Горький, 2017].

В «Золотом теленке» лиминарность не просто чужда обывателю, она представляется ему противоестественной, прежде всего потому, что способность к бытию в пограничье отделяют Севрюгова от остальных, делает его несоизмеримо выше.

Авиатор противопоставлен и конкретным персонажам, например, бывшему князю Гигиенишвили, который «за самоуправство просидел в тюрьме четыре месяца и вернулся оттуда злой как черт» [Ильф, Петров, 2009]. Бесовские коннотации образа «князя» очевидны [Подковырин, 2007; 2008]. Он является инициатором изгнания Севрюгова: «гражданин Гигиенишвили взломал замок на севрюговской двери и выбросил в коридор все имущество героя, в том числе висевший на стене красный пропеллер» [Ильф, Петров, 2009]. Пропеллер в текстах авиационной тематики – значимая деталь, он заменяет могильный памятник или крест на местах захоронения погибших летчиков, «князь» оскверняет сакральную для летчика вещь.

Помещение Гигиенишвили в тюрьму знаменует формирование трехчастной модели пространства: тюрьма – коммуналка – «неведомая страна» (туда включено и небо Арктики, и новая отдельная квартира, дарованная летчику) [Франк, 2011]. Все три участка жестко контролируются государством. Коммуналка – отправная точка, оттуда власть может переместить в две другие, руководствуясь заслугами граждан.

Ненависть населяющих общую жилплощадь к авиатору примитивна, порождена глубоким непониманием его функций, статуса, а также неприятием его отделенности от коммунального быта, выходом из поля зрения соседей, а следовательно, из-под их, хоть и иллюзорной, коллективной власти. Осознание героизма летчика Севрюгова, однако, происходит у одной представительницы «Вороньей слободки» – Варвары Лоханкиной: «– Как вам не стыдно, гражданин Пряхин! – возражала Варвара, размахивая “Известиями”. – Ведь это герой! Ведь он сейчас на 84 параллели... – Что еще за параллель такая, – смутно отзывается Митрич, – может, никакой такой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались» [Ильф, Петров, 2009]. Слова Митрича совершенно естественным образом отражают картину мира бывшего человека, помещенного в новые условия, стоит вспомнить повесть М.А. Булгакова «Собачье сердца» (1925): «Мы в университетах не обучались, в квартирах по пятнадцать комнат с ванными не жили» [Булгаков]. Подобное мировоззрение сближает жильцов коммунальной квартиры с Шариковым, который должен был стать новым человеком, но внутренние, отчасти обусловленные материалом, из которого был создан гомункул, установки не позволили ему совершить онтологический рывок.

В 20–30-е годы топос коммунальной квартиры был одним из самых тиражируемых в советской литературе [Одесский, 2014; Куляпин, Скубач, 2013]. По мнению А. Беззубцева-Кондакова, коммунальная квартира, в отличие от

коммуны, способствовала формированию мелкобуржуазного мировоззрения [Беззубцев-Кондаков, 2005]. Таким образом, конфликт авиатора и жителей «Вороньей слободки» приобретает не столько бытовой, сколько политический оттенок [Ковтун, 2013]. Подобно тому как противостоит революционная романтика мещанскому счастью в «Гадюке» А.Н. Толстого, у Ильфа и Петрова противостоит мелкобуржуазность болезненного собственничества коммунистической одухотворенности [Ковтун, 2009].

Огромные территории, отмеченные именем Севрюгова, противопоставлены тесному пространству коммуналки, где люди вынуждены утрачивать человеческое в погоне за жилплощадью. Летчик – личность планетарного масштаба: «Весь мир, волнуясь, следил за полетом Севрюгова. <...> Целый месяц жилец квартиры номер три летал над ледяной пустыней, и грохот его моторов был слышен во всем мире» [Ильф, Петров, 2009]. Жители «Вороньей слободки», напротив, осваивают и присваивают не весь мир, а комнату авиатора. В связи с именем летчика появляется масса топонимов («Нижний Новгород, Квебек и Рейкьявик услышали позывные Севрюгова») и множество фамилий интересных людей, не зависящих от быта: «московские халтурщики» Услышкин-Вертер, Леонид Трепетовский и Борис Аммиаков, писатель Габриэль д'Аннунцио. Авиатор свободен от вынужденного сосуществования с другими, ему даровано право на приватность.

Государство в квартирном вопросе оказывается на стороне героя, что является явной демонстрацией позиции власти по отношению к авиации. Севрюгов не просто спасен физически – от нищеты и бродяжничества, он спасаем властью духовно: «засосала бы его центростремительная сила сутяжничества, и до самой своей смерти называл бы он себя не “отважным Севрюговым”, не “ледовым героем”, а “потерпевшей стороной”». Позже он вообще исключается из жилого пространства обывателя: «Комнату вернули (Севрюгов вскоре переехал в новый дом)» [Ильф, Петров, 2009]. Таким образом, авиатор получает естественное право – на отдельное жилье, на уединение, на индивидуальность. Государство побеждает в конкурентной борьбе за власть над летчиком, относится к нему по-отечески [Кларк, 1992], оно извлекает его из поля зрения соседей. Переворачиваются в позитивном ключе дисциплинарные механизмы, описанные М. Фуко [Фуко, 1999, с.190], с той лишь разницей, что «прокаженный» не изгонялся, а напротив, возвышался, делая таким образом «прокаженными» членов враждебной общины.

Образ летчика структурирует пространство. Примечательно, что авиатор вообще не обладает словом – в этом нет необходимости, он нужен авторам только как символ пограничного персонажа, в крайней степени отличного от земного, профанного. Пропасть между жизнью новых людей и людей бывших значительно увеличивается, новые должны жить в больших квартирах, взирать на просторы Родины с высоты полета аэроплана, место старых – в коммунальной квартире (которой они лишаются из-за пожара) или тюрьме. Подобное государствен-

ное регулирование, помимо прочего, было формой контроля и стратификации населения: «формирующаяся новая социальная иерархия, отражавшая дифференциацию общества по степени приближенности и мере служения власти, закреплена предоставлением жилой площади повышенной комфортности», – пишет М.Г. Меерович [Меерович, 2008, с. 6].

В упоминаниях о летчике встречается достаточно продуктивный в 20–30-е годы мотив множасьих изображений, репрезентация летчика служит в этом плане значимым маркером коренных отличий между Героем и простыми смертными. Подобную картину, например, можно наблюдать в филателии, где изображения летчиков в сериях, посвященных Героям Советского Союза, распространяются по всей территории государства естественным путем, являясь платежным средством. В довоенный период тиражировались марки с изображениями В. Чкалова, М. Громова, С. Леваневского, Н. Каманина и др. Е. Добренко в главе «Топография сталинизма: сбыт и потребление преобразующихся дискурсов» [Добренко, 2007] описывает этапы трансформации сюжета почтовой марки, в котором авиация была одним из значимых тематических блоков, символизирующих трудовую героику 30-х.

Авиация является неперенным атрибутом описываемой эпохи, ее символом, а летчик – героем-бессребренником, человеком с «творческой сверхзадачей» [Гандлевский, 2004], стоящим на верхних ступенях иерархии, что характерно для ортодоксальной литературы 30-х, но соцреалистическая вертикаль проникает и в произведения явно иные в художественном смысле.

Итак, летчик не может снизойти до человека, позитивно не включенного в актуальную действительность. Причастность к этой стороне научно-технического прогресса является маркером, знаком для определения того, достоин ли человек стать частью «неведомой страны», где он будет иметь право на относительную индивидуальность, приватность, где он будет оберегаем и защищаем государством. Однако стоит отметить, что утопический мир «неведомой страны» противоречит потребностям реального живого человека, наделяет благами лишь идеального героя-авиатора, принадлежность которого к утопии подчеркивается его неосязаемостью, явленной на уровне печатного слова, радиосообщения или изображения. Эта традиция выделения миссии авиатора и самого планера / самолета как инструмента гармонизации мира станет одной из самых устойчивых в советской ортодоксальной литературе [Накамура, 2015].

Библиографический список

1. Беззубцев-Кондаков А. Наш человек в коммуналке // Журнальный зал. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html> (дата обращения: 14.08.2017).
2. Булгаков М.А. Собачье сердце // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Веги». URL: <http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html> (дата обращения: 14.08.2017).
3. Гандлевский С. Странные сближения // Журнальный зал. 2004. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/10/gand8.html> (дата обращения: 15.08.2017).

4. Горький М. Песня о Соколе // Библиотека Максима Мошкова. 2017. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0015.shtml (дата обращения: 15.08.2017).
5. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
6. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Библиотека Максима Мошкова. 2009. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0130.shtml (дата обращения: 15.08.2017).
7. Кларк К. Сталинский миф о «Великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 83–93.
8. Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
9. Ковтун Н. «Семейный вопрос» в советской литературе 1920–1930-х годов // Универсалии культуры. Красноярск: СФУ, 2009. Вып. 2: Философия – эстетика – литература: дискурс и текст: сб. науч. тр. С. 174–182.
10. Куляпин А., Скубач О. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.
11. Меерович М.Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937 гг. М., 2008. 303 с.
12. Накамура Т. Мечта о мире как органическом целом в литературе советского периода: анализ «Красной птицы» Ю. Казакакова, «Дневных звездах» О. Бергольц и др. // Дальний Восток, Близкая Россия: Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Азии: сб. ст. Белград: Сеул: Сайтама, 2015. С. 119–134.
13. Одесский М.П. Советская газетная топка в романе «Золотой теленок» // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 12 (134). С. 86–100.
14. Островский А.Н. Гроза // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0060.shtml (дата обращения: 14.08.2017).
15. Подковырин Ю.В. Аксиологические параметры внешности героев в романах И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок» // Художественный текст: варианты интерпретации. Бийск, 2008. Ч. 2. С. 50–55.
16. Подковырин Ю.В. Внешность героев в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» // Новый филологический вестник. 2007. № 1 (4). С. 190–199.
17. Толстой Л.Н. Война и мир // Библиотека Максима Мошкова. 2009. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/11/p.104/index.html> (дата обращения: 14.08.2017).
18. Франк С. Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива // Новое литературное обозрение. 2011. С. 82–97.
19. Фуко М. Надирать и наказывать. М.: «Ad Marginem», 1999. 478 с.
20. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74.
21. Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М.: Академия наук СССР, 1963. 183 с.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

THE IMAGE OF THE PILOT IN THE SATIRICAL LITERATURE OF THE 1930S (ON THE BASIS OF THE MATERIAL OF THE NOVEL “THE GOLDEN CALF” BY I. ILF AND E. PETROV)

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem and purpose. The role and functions of the pilot’s image in the Soviet satirical literature are analyzed in the article. The problem of constructing a mental map by means of an aviation text is also being updated. The purpose of the article is to identify ideologically significant features of the aviator’s image, to define its functions in the framework of designing a new mental map of the young Soviet state.

The methodology of the research is comparative-historical, culturological, sociological and philosophical approaches.

Results. On the basis of the interdisciplinary analysis of aviation motifs, I. Ilf and E. Petrov’s novel *The Golden Calf* (1931) revealed the main features of the pilot’s image, the mechanisms for constructing the hero’s image, and the most important function of aviation images - the structuring of space, both on the state and primitively household levels. In the article this opposition is designated as the antithesis of the “unknown country” where only “the new salt of the earth” deserves to live, and the communal apartment – “Crow’s Slobodka”, which becomes a haven for “the former hosts of life” whose petty-bourgeois ideology does not correspond to” the party line”.

The conclusion. The author of the article suggests that the concept of the aviator’s image suggested in this satirical novel fits into the general tendency of the socialist realism approach to constructing the image of the new superman within the framework of the period under study. It is worth noting that aviation motives are quite significant in the process of creating new ideas of space, as well as the representation of social stratification in literature and culture.

Key words: *aviation motives, aviator’s image, mental map, Soviet literature, communal apartment, utopia, space poetics.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Bezzubcev-Kondakov A. Nash chelovek v kommunalke // *Zurnal’nyj zal*. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html> (data obrashcheniya: 14.08.2017).
2. Bulgakov M.A. Sobach’e serdce // *Biblioteka russkoj religiozno-filosofskoj i hudozhestvennoj literatury «Vekhi»*. URL: <http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html> (data obrashcheniya: 14.08.2017).
3. Gandlevskij S. Strannye sbližheniya // *ZHurnal’nyj zal*. 2004. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/10/gand8.html> (data obrashcheniya: 15.08.2017).
4. Gor’kij M. Pesnya o Sokole *Biblioteka Maksima Moshkova*. 2017. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0015.shtml (data obrashcheniya: 15.08.2017).
5. Dobrenko E. *Politekhkonomiya socrealizma*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. 592 s.
6. Il’f I., Petrov E. Zolotoj telenok // *Biblioteka Maksima Moshkova*. 2009. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0130.shtml (data obrashcheniya: 15.08.2017).
7. Klark K. Stalinskij mif o «Velikoj sem’e» // *Voprosy literatury*. 1992. № 1. S. 83–93.
8. Kovtun N. «Semejnyj vopros» v sovetskoj literature 1920–1930-h godov // *Universalii kul’tury*. Vyp. 2. *Filosofiya – ehstetika – literatura: diskurs i tekst: sb. nauch. tr. Krasnoyarsk: SFU*, 2009. S. 174–182.

9. Kovtun N.V., Proskurina E.N., Vasil'ev I.E. Proekt pereustrojstva mira i russkaya proza nachala HKH veka (A. Bogdanov i A. Platonov) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 2 S. 129–140.
10. Kulyapin A., Skubach O. Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoj ehpoi M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2013. 240 s.
11. Meerovich M.G. Nakazanie zhilishchem. ZHilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937 gg. M. 2008. 303 s.
12. Nakamura T. Mehta o mire kak organicheskom celom v literature sovetskogo perioda: analiz «Krasnoj pticy» YU. Kazakakova, «Dnevnyh zvezdah» O. Bergol'c i dr. // Dal'nij Vostok, Blizkaya Rossiya: EHvolyuciya russkoj kul'tury – vzglyad iz vostochnoj Azii. Sb. st. Belgrad, Seul, Saitama. 2015. S. 119–134.
13. Odesskij M.P. Sovetskaya gazetnaya topika v romane «Zolotoj telyonok» // Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2014. № 12 (134). S. 86–100.
14. Ostrovskij A. N. Groza // Biblioteka Maksima Moshkovo. URL: http://az.lib.ru/o/ostrovskij_a_n/text_0060.shtml (data obrashcheniya: 14.08.2017).
15. Podkovyrin YU.V. Vneshnost' geroev v romanah I. Il'fa i E. Petrova «Dvenadcat' stul'ev» i «Zolotoj telyonok» // Novyj filologicheskij vestnik. 2007. № 1 (4). S. 190–199.
16. Podkovyrin YU.V. Aksiologicheskie parametry vneshnosti geroev v romanah I. Il'fa i E. Petrova «12 stul'ev» i «Zolotoj telenok» // Hudozhestvennyj tekst : varianty interpretacii. – Bijsk, 2008. № 2. S. 50–55.
17. Tolstoj L.N. Vojna i mir // Biblioteka Maksima Moshkovo. 2009. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/11/p.104/index.html> (data obrashcheniya: 14.08.2017).
18. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. M.: «Ad Marginem». 1999. 478 s.
19. YAnovskaya L.M. Pochemu vy pishite smeshno? Ob I. Il'fe i E. Petrove, ih zhizni i ih yumore. M.: Akademiya nauk SSSR, 1963. 183 s.
20. EHtkind A. Fuko i tezis vnutrennej kolonizacii: Postkolonial'nyj vzglyad na sovetskoe proshloe // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 49. S. 50–74.
21. Frank S. Teplaya Arktika: k istorii odnogo starogo literaturnogo motiva // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. S. 82–97.

About the author

Tatiana A. Zagidulina – post-graduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, philological faculty, KSPU named after V.P. Astafyev; e-mail: zagi9@rambler.ru